

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т63

Samantha Towle
REVVED
Серия «Любовь и спорт»

Печатется с разрешения литературных агентств
Dystel, Goderich & Bourret и *Andrew Nurnberg*.

Перевод с английского *Александры Елизаровой*
Оформление обложки *Виктории Давлетбаевой*

Тоул, Саманта.
Т63 Жажда скорости : [роман] / Саманта Тоул; – [перевод с английского Елизаровой А.А.]. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 448 с. – (Любовь и спорт).

ISBN 978-5-17-165302-6

Энди Амаро знает, из чего состоит успех. Она — талантливый автомеханик, и ее приглашают работать в команду гонщика Формулы-1 — знаменитого Каррика Райана, который не оставляет и шанса своим соперникам. Энди счастлива, ведь сбылась ее детская мечта, вот только трагедия, случившаяся с ее отцом, навсегда оставила отпечаток в ее душе...

И теперь у нее есть правило, которому она следует неукоснительно: не встречаться с гонщиками. Вот только красавчик Каррик, привыкший одерживать верх не только на гоночной трассе, но и в романтических отношениях, не собирается подчиняться правилам, установленным Энди. Он положил на нее глаз при первой же встрече и теперь хочет ее. Всю. Без остатка.

Но что это — настоящая любовь или игра? Энди предстоит понять, кто она и чего хочет на самом деле...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-165302-6

© 2015 by Samantha Towle
© Елизарова А.А., перевод, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ПРОЛОГ



Монте-Карло, Монако

Я смотрю на маму. Она выглядит обеспокоенной и крепко держит мою руку. Она всегда так делает, когда папа на гонках, но я не возражаю. Я знаю, что она нервничает, потому позволяю выжимать из моей руки жизнь — это действие помогает ей чувствовать себя лучше.

Хотя я и не понимаю, почему она так нервничает. Я совсем не нервничаю, потому что мой отец — лучший пилот¹ в мире. Он чемпион, и станет им снова.

Я слегка двигаю пальцами, когда их начинает покалывать.

— Прости, дорогая. — Мама улыбается мне, смотря вниз. Натянутая улыбка вызвана волнением.

Я улыбаюсь в ответ, чтобы ей стало легче.

Моя мама действительно очень красивая и очень высокая. Она была моделью, но бросила это занятие, когда появилась я.

¹ *Пилот* — водитель болида Формулы-1. (Здесь и далее прим. пер.)

Я буду такой же высокой, как она. Я уже достаточно высокая для своего возраста. Ненавижу быть высокой. Мне десять, и я выше, чем большинство мальчишек в моем классе. Мои ноги и руки длинные и неуклюжие. Тьфу! Хотела бы я быть маленькой и изящной, как девочки в моем классе.

Хотя все говорят, что я похожа на маму, и это должно быть приятным комплиментом, потому что она — красивейшая женщина в мире.

Мой папа тоже говорит, что я выгляжу как она, и, когда я вырасту, для него наступит время кошмаров. Видимо, он собирается хранить у дверей битую для крикета, чтобы отгонять парней, которые могут у меня появиться.

Он сумасшедший. *Как будто у меня когда-нибудь появится парень.* У меня не будет времени на них, когда я стану старше.

Я хочу стать пилотом, как папа, или механиком, как дядя Джон. Он мне на самом деле не дядя, но я всегда зову его так. Он лучший друг отца и мой крестный.

Мне нравится, когда дядя Джон дает покататься с машинами вместе с ним; я вся покрываюсь маслом и становлюсь грязной. Мама злится, когда я пачкаю одежду, но мне все равно.

Мама не говорит об этом, но я знаю, что она не хочет, чтобы я работала с машинами, и тем более не хочет, чтобы я участвовала в гонках. Мне кажется, она была бы счастлива, если бы я пошла по ее стопам — стала моделью.

Но я не такая хорошенькая, как она. Я как папа. Люблю машины.

Отец говорит, что я могу стать кем захочу, если буду прикладывать все усилия к этому и усердно учиться в школе.

— И он делает это! Выходит на последний круг!

Когда прозвучал голос диктора, я посмотрела на экраны и увидела, как мой папа заходит на последний круг, занимая лидирующую позицию на пути к финишу.

У меня зарождается то восторженное ощущение в животе, которое всегда возникает, когда я вижу его на гонках, и я начинаю приплясывать на месте.

— Наш главный чемпион, Уильям Вульф, готов к тому, чтобы увезти домой еще один трофей. Стойте... что-то происходит. Что-то не так... Господи, нет... Там... там, кажется, проблемы с машиной. Огонь вспыхнул в задней части болида...

Я беспомощно наблюдаю, как машина моего отца выходит из-под контроля, задняя часть болида оказывается в огне, после чего он врывается в барьер.

Мне кажется, что удар настигает мое собственное тело.

Все происходит так стремительно, но в то же время невероятно медленно.

Я слышу мамины крики, вопли людей. Смотря на экраны, я вижу, как стюарды, обслуживающий персонал гонок, бегут к его болиду.

Я не могу пошевелиться. Я не хочу двигаться или отводить взгляд от экранов, чтобы, если вдруг что, не пропустить ни единой детали.

Будь в порядке, папочка, прошу тебя.

Затем, без предупреждения, меня поднимают с места и уносят прочь.

Дядя Джон.

Он разворачивает меня на руках, прижимает мое лицо к своей груди так, чтобы я не могла ничего видеть. Он быстро идет через бокс¹, унося меня подальше от экранов, как можно дальше от трека.

От моего отца.

Я верещу не своим голосом:

¹ Бокс — гараж команды Формулы-1.

— Нет!

Я пытаюсь бороться с ним. Мне нужно быть там. Необходимо убедиться, что с папой все в порядке.

Затем я слышу взрыв. Настолько громкий, что даже наушники не спасают мои уши от боли.

Дядя Джон останавливается.

Он медленно оборачивается вместе со мной на руках. Каждый мускул его тела напряжен.

Наконец освободившись, я смотрю на экраны и вижу *это*.

Машины моего отца не стало.

Вместо нее сплошное пламя. И дым.

Густой черный дым, клубящийся и поднимающийся вверх навстречу небу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ



Четырнадцать лет спустя Сан-Паулу, Бразилия

— Я очень сильно буду скучать по тебе, дорогая. Эмоциональный надрыв в голосе моей мамы заставляет мои губы дрожать, глаза застилают слезы.

— Я тоже буду по тебе скучать. — Я обнимаю ее покрепче.

Отодвинувшись назад, она обхватывает мое лицо ладонями и смотрит прямо в глаза. Она плачет. Ее слезы причиняют боль.

— Ты точно уверена, что должна ехать?

Этот разговор за последние пару недель завязывался у нас много раз. Знаю, что причиняю ей боль, и ненавижу себя за это, но я должна это сделать. Если не сделаю, то буду жалеть весь остаток своей жизни.

— Mam, это прекрасная возможность для меня, — говорю я мягко. — Понимаю, ты переживаешь, но со мной все будет хорошо. Я буду с дядей Джоном, и это не то же самое, что принимать участие в гонках или сидеть за рулем.

— Я понимаю... — вздыхает она.

Я знаю, чем вызван ее тревожный вздох. Знаю, что мой отъезд причиняет ей боль по многим причинам, что она будет скучать по мне, но гораздо больше ее беспокоит место, в которое я направляюсь. Оно вызывает у нее болезненные воспоминания.

— Я не пытаюсь бунтовать, — с нежностью продолжаю я. — Просто я... я должна это сделать.

— Знаю. — Она целует меня в лоб. — Ты так похожа на своего отца. Он бы очень гордился тобой, клянусь.

Замечательно, теперь я сама теряю самообладание, и по моей щеке скатывается слеза.

Мама стирает ее большим пальцем.

— Я просто стала глупой наседкой. Не хочу отпустить мою маленькую девочку.

— Я вернусь, — заверяю я ее, — я уезжаю не навсегда.

— Конечно. Просто заботься о себе и будь осторожна. Тебе предстоит побывать в десятках незнакомых стран. Ты взяла с собой брелок¹, который я тебе купила?

— Да, он в сумке.

— И ты никуда не будешь ходить одна, особенно в ночное время?

— Не буду.

— И если тебе понадобится вызвать такси, то ты проверишь, что это зарегистрированная городская организация?

— Проверю.

— И ты будешь связываться со мной каждый день?

— Буду. Обещаю. — Я еще крепче сжимаю ее в объятиях. — Не беспокойся. — Поднимаю сумку с пола

¹ Брелок с сигнальной кнопкой для отпугивания нежелательных людей и вызова помощи.

и закидываю ее на плечо. — Мне нужно идти. Или я пропущу регистрацию.

— Хорошо. — Она пытается остановить слезы. — Пока, дорогая. Безопасного тебе полета.

— Я приеду навестить тебя так скоро, как только смогу. Я люблю тебя.

Начинаю пятиться к регистрационной стойке, мою грудь сдавливает от эмоций.

— И я люблю тебя, — отвечает она, вытирая лицо платком.

— Напишу тебе сразу, как приземлюсь.

— Хорошо. Я буду скучать, милая.

— И я тоже буду скучать.

Затем я разворачиваюсь и иду прочь. Размазывая по лицу слезы, я передаю билет проверяющему и миную службу безопасности.



Шестнадцать часов спустя
Лутон, Англия

Думаю, что я успела вымотаться в аэропорту из-за нескольких часов ожидания задерживающегося рейса еще до двенадцатичасового перелета Сан-Паулу–Лутон; и вот теперь я здесь, в час ночи по местному времени. Мои биологические часы немного сбились, но, когда я тащила свой чемодан, проталкивая его через выход для прибывших, меня переполняло волнение, все разраставшееся во время путешествия.

Я нервничаю из-за возвращения в Англию, суечусь в преддверии выхода на новую работу. Но больше всего я не могу дождаться встречи с дядей Джоном. Мы давненько не виделись.

Взглядом я сканирую шумную толпу в поисках дяди Джона и наконец замечаю его. Он из тех мужчин, которых видно издалека — с телом, как у медведя, и копной волос с проседью.

Он ловит мой взгляд, и на его лице появляется широкая улыбка. Он машет мне рукой. Я ускоряюсь, и он идет мне навстречу, раскрывая руки для объятий.

Я прыгаю в эти объятия как маленький ребенок.

Дядя Джон всегда заставлял меня чувствовать себя так, будто мне снова десять.

— Привет, малая! — Он ослабляет хватку, с улыбкой смотря на меня сверху вниз; на его возраст указывают морщинки в уголках глаз. Дяде Джону далеко за сорок, но выглядит он хорошо.

— Привет! — Я свечусь.

— Как прошел полет? — Он наклоняется, чтобы забрать мой чемодан.

— Нормально, но долго.

Мы стартуем к выходу.

— Я припарковался в зоне ожидания, так что далеко идти не придется.

— Слава богу.

Я проскальзываю в открывшиеся двери, и меня едва не сбивает с ног старый добрый стремительный и холодный английский ветер. Я сильнее запахиваю байкерскую кожанку, но от этого не то чтобы становится сильно теплее. Я просто рада, что мне пришло в голову переодеться в туалете самолета, снять шорты и майку с перекрестными бретельками на спине (в этом я покинула Бразилию) и надеть облегающие джинсы и футболку, в которых иду сейчас. А еще я рада, что освежилась влажными салфетками и дезодорантом-спреем. Нет ничего хуже, чем чувствовать себя изможденной и грязной после полета.

Я уже и забыла, каково это — жить в Англии и как холодно здесь в феврале. Я раньше акклиматизировалась

и привыкала к местным температурам, но с тех пор, как я была здесь, прошло четырнадцать лет.

Я родилась в Англии, жила здесь до десяти лет. После того как не стало папы, мы с мамой перебрались в Бразилию, ее родную страну.

— Я бы предложил тебе свой пиджак, если бы он у меня был. — Дядя Джон тихо посмеивается, идя в кофте с длинным рукавом.

— Я в порядке. Не беспокойся.

— Не вопрос, только обогрев в машине я включу лишь тогда, когда прогреется двигатель.

Я его обожаю. После смерти отца и нашего с мамой переезда он остался в наших жизнях, принимая в них участие посредством регулярных звонков и электронных писем, а если он бывал в Бразилии, то всегда приезжал в гости.

Дядя Джон — главный инженер команды «Райбелл», участвующей в Формуле-1, — точнее сказать, команды Каррика Райана. У каждой гоночной команды есть два гонщика. У «Райбелл» вторым является Нико Треслер, сезонный пилот из Германии.

Каррик Райан — плейбой из Ирландии и к тому же безумно талантливый пилот.

Он слишком хорош для одной-единственной женщины, поэтому он — ужасный бабник и тусовщик. В прессе он светится чаще из-за своих ночных выходов и постельных похождениях, чем из-за водительских способностей. Этим он больше похож на рокера, чем на пилота Формулы-1.

Он не из тех, у кого развита дисциплинированность, в отличие от других гонщиков. Но его талант неоспорим. Его карьера очень быстро набирала обороты: в гонках Формулы-1 он дебютировал в двадцать лет и увез приз в том же году. Сейчас, пять лет спустя, за его плечами лишь один проигрыш в борьбе за чемпионство.

Благодаря дяде Джону я буду работать с командой Каррика. Один из их механиков внезапно уволился пару недель назад, и дядя предложил мне работу.

Если вы еще не догадались, я — автомеханик.

Еще тогда, три года назад, когда я начинала работать с бразильской командой сток-кар¹, дядя Джон сказал, что я должна работать на Формуле-1 и что, как только появится вакансия, она будет занята мной.

Он не шутил, и вот я здесь.

Работа в команде Формулы-1 не достается легко, особенно в команде Каррика. Он создает сплоченный коллектив, тесно связанный между собой, потому я прекрасно понимаю, насколько мне повезло получить место.

— Как дела у твоей мамы? — интересуется дядя Джон.

— Она в порядке... Пытается смириться с моим отъездом. Переживает. Ты ее знаешь.

— Да, — усмехнулся он. — Я знаю, как Катя может действовать на нервы.

— Дядя Джон... ты же никому из команды «Райбелл» не говорил, кем был мой отец?

— Нет. Ты просила не говорить, вот я и молчал. Я понимаю, почему ты хочешь держать это в секрете, но, честно говоря, не думаю, что в этом есть такая уж необходимость.

Но для меня она есть. Моего отца прозвали одним из величайших пилотов всех времен. Он был кем-то вроде Мессии в Формуле-1. Люди, связывавшие себя с этой индустрией, почитали его — и до сих пор чтят, — особенно здесь, в Англии. И я не хочу, чтобы кто-то подумал, что двадцатичетырехлетняя женщи-

¹ *Сток-кар* — гонки по овальной трассе, для которых изначально использовались серийные автомобили. В наши дни модели авто для сток-кар готовят специально.

на-механик получила свою работу только благодаря имени своего отца. Уж лучше пускай думают, что меня наняли за мою внешность, чем так. Так что, пока я здесь, я собираюсь использовать девичью фамилию моей матери, Амаро, и никому не говорить о том, что я дочь Уильяма Вульфа.

— Я просто хочу проявить себя без того, чтобы люди ассоциировали меня с моим отцом.

— Нет необходимости, — повторяет дядя Джон.

Я одариваю его скептическим взглядом.

— Есть. Люди будут думать, что я получила работу только из-за фамилии.

— Не будут. Ты получила работу, потому что ты пер-воклассный механик, и ни по какой другой причине.

— Это знаешь ты, но не другие. Мне важно показать *свой* талант, а не быть в тени таланта отца.

— Ладно, — выдыхает он, защищаясь. — Это твое дело. Я буду держать рот на замке до тех пор, пока ты не позволишь мне его открыть.

— Спасибо тебе, — признательно улыбаюсь я. Дядя Джон знает почти всех из мира Формулы-1, так что просить его придержать язык за зубами — большое дело.

Он работает с Карриком с тех пор, когда тот начал заниматься картингом в возрасте четырнадцати лет. Вот таким образом дядя и вернулся в этот мир.

После несчастного случая с моим отцом дядя Джон бросил гонки и ушел работать в сферу картинга. Мне кажется, что оставаться там после трагедии для него было слишком трудно. Нам всем пришлось нелегко.

Но когда прогресс Каррика стал очевиден и дядя Джон увидел в нем потенциал, мальчик и Оуэн Райан — его отец и по совместительству менеджер — убедили дядю вернуться в Формулу-1 вместе с ними, и он согласился.

Работать с Карриком — невероятная честь.

Беспокоит ли меня его репутация? Безусловно. Но, к счастью, я привыкла к грубым пилотам. Мне пришлось, раз уж я, женщина, оказалась в мужском мире. Я работаю в окружении мужчин достаточно давно, чтобы научиться ставить их на место. Увлечься гонщиком — не мой вариант.

После того как я увидела, что сотворила с мамой смерть папы, я перестала интересоваться противоположным полом. Я, конечно, принимала ухаживания то от одних, то от других; максимум нечто похожее на отношения длилось месяца два. Не то чтобы я была не расположена к парням. Просто мне пока не повстречался тот, с кем бы я хотела проводить много времени. А с моей работой, вынуждающей постоянно находиться в разъездах, вся романтика — на грани фантастики.

Либо я в окружении других механиков, тоже исключительно мужского пола, — а я не встречаюсь с коллегами, это слишком проблематично, — либо в окружении пилотов.

И я определенно не собираюсь связывать свою жизнь с гонщиком. *Никогда.*

Они — скользкий путь к разбитому сердцу.

Дядя Джон подходит к стоящей снаружи машине, и я узнаю ее сразу же, потому что, будучи ребенком, провела в ней много времени, катаясь туда-сюда.

— Это... твой старый «Форд Капри»? — Я широко улыбаюсь.

Дядя Джон владеет этой машиной с тех пор, как я уехала в Бразилию. Черный «Форд Капри» 1987-го года с красными гоночными полосами снизу по бокам. Не могу поверить, что она все еще у него.

— Да, он самый, — ухмыляется он. С хлопком открыв багажник, он затаскивает туда мой чемодан.

— Поверить не могу, что он все еще на ходу.

— Ты сомневаешься в мастере? — Прежде чем забраться на водительское сидение, дядя Джон бросает на меня дерзкий взгляд.

Я устраиваюсь на пассажирском сидении, пристегнув ремень безопасности.

— Не сомневаюсь, просто думала, что ты уже обновил машину.

— Заменить первую любовь невозможно. — Он нежно стучит по рулю. Затем поворачивает ключ зажигания, и машина, рокоча, оживает. — Итак, куда мы едем?

Я бросаю на него удивленный взгляд.

— Думала, ты знаешь.

— Ну, я решил, что сначала нужно проверить, изменилась ли ты и стала ли нормальным человеком, который, проведя в пути добрую половину дня, захочет отправиться в свои новые апартаменты и немного отдохнуть.

Дядя Джон снял для меня меблированную однокомнатную квартиру, находящуюся рядом с головным офисом команды «Райбелл», в маленькой деревеньке Хит-энд-Рич в Бедфордшире.

— Но если мои догадки верны, и ты не нормальная — как и я, — я приму это к сведению и отвезу тебя прямо к «Райбелл».

При взгляде на него на моем лице расплывается улыбка.

— Твои догадки верны.



Во время поездки к офису «Райбелл» дядя Джон рассказывает мне о работе и о том, с чего мне стоит начать завтрашний день.

Он называет мне имена людей, с которыми мне предстоит работать, и я не в силах запомнить хотя бы одно,

но уверена — как только я увижу лица, то смогу провести параллели.

Впереди возвышается здание «Райбелл», и я начинаю подскакивать на месте от предвкушения.

Я не странная, просто все это мне близко.

Знаете то ощущение предвкушения, возникающее у некоторых девушек в преддверии похода по обувным магазинам? Ну так вот, у меня оно появляется рядом с машинами, особенно гоночными.

Большую часть своей жизни я провела в гараже Формулы-1, а другую — дома с кузенами, занимаясь их машинами.

Я практически выросла в гараже, а если быть точной, в гараже Формулы-1, так что для меня все происходящее подобно возвращению домой.

— Энди...

Голос дяди Джона перетягивает мое внимание от пейзажа к нему.

— Я еще не спрашивал... Просто хочу убедиться... Ты нормально себя чувствуешь в связи со всем происходящим?

— Да. Конечно. — Я смущенно улыбаюсь в ответ.

— Просто... я помню, как сам впервые вернулся в гараж после того, как мы потеряли твоего отца... Это было сложно.

Ах, ну да. Моя улыбка сползает с лица.

— Я в порядке. Это было давным-давно, и я не впервые возвращаюсь на трек с тех пор, как это случилось.

Каждый раз, когда дядя Джон прилетал в Бразилию на Гран-при, он доставал для меня билет, чтобы я могла увидеть все своими глазами. Допускаю, что есть небольшая разница между тем, чтобы быть зрителем на трибуне и быть частью процесса, но, уверена, все будет хорошо.

— Знаю. Просто хочу убедиться, что ты в норме, прежде чем мы войдем туда.